

Глава 44. Деревня Цзюаньлоу 09

Когда Яо Хаохао, Ци Бай и другие, услышав шум, подошли, их взору предстала именно эта картина.

Поскольку Лу Хуэя ранее дёрнули, он полулежал на кровати, его ноги естественно свисали, а колени были слегка согнуты.

А Мин Чжаолинь стоял на коленях на кровати, и чтобы удержать Лу Хуэя, его голени и колени плотно к нему прижимались.

Одной рукой он прижимал другую руку Лу Хуэя к подушке.

Мин Чжаолинь так низко склонился, что расстояние между ним и Лу Хуэем было настолько маленьким... что казалось, будто они целуются.

По крайней мере, с их угла обзора именно так и казалось.

Поэтому первой реакцией Яо Хаохао и остальных было: а не закрыть ли дверь?

Но когда они появились, Мин Чжаолинь приподнялся.

Хотя он по-прежнему стоял на коленях на кровати и даже продолжал удерживать Лу Хуэя, его брошенный искоса взгляд, и обнажённая шея со следами от пальцев в общих чертах рассказали им о только что пережитой «ожесточённой схватке».

Вот только один из главных участников «схватки», Мин Чжаолинь, не выглядел недовольным, а, напротив, всем своим видом кричал о «блаженстве».

И это вновь балансировало на грани между возможным недопониманием и его отсутствием.

Лу Хуэй нарушил молчание:

— Отпусти.

Всего одно простое слово. В обычное время Мин Чжаолинь наверняка стал бы дразнить его или

специально продолжать упрямитесь, но сейчас, поскольку настроение у него и вправду было прекрасным, а остаточные болевые ощущения всё ещё щекотали нервы, Мин Чжаолинь послушно отпустил его.

Не только руку, но и всего его.

Лу Хуэй, наконец освободившись, приподнялся на кровати, взглянул на Мин Чжаолиня, стоявшего рядом, и потёр шею.

Боли и правда не было, но зато появилось странное ощущение.

Подушечки пальцев Мин Чжаолиня были шершавыми, и ощущение от их прикосновения всё ещё сохранялось на его коже, но боль от двух удушений не вернулась.

... Странно.

Что ещё важнее, между ним и Мин Чжаолинем возникли эти «узы».

Лу Хуэй опустил руку, не глядя на Яо Хаохао и остальных, и сказал Мин Чжаолиню:

— Та шаманка.

Мин Чжаолинь прислонился к дверце гардероба. Только из-за того, что расстояние между гардеробом и кроватью было довольно узким, носки его ботинок упирались в носки Лу Хуэя. Он неспешно отозвался:

— Ага.

Вероятно, это именно шаманка создала между ними эти «узы», когда произнесла те слова, которые они не поняли.

Вот только неизвестно, желала ли она им добра или же хотела убить...

Мин Чжаолинь вспомнил, как ранее «женщина» сказала, что нашла его слабость.

Он опустил взгляд на Лу Хуэя, и тот в тот же момент посмотрел на него.

Они встретились глазами и по молчаливому согласию не стали сейчас углубляться в обсуждение.

Лу Хуэй наконец взглянул на Яо Хаохао и остальных.

Следы от пальцев на его шее были заметнее, чем у Мин Чжаолиня, и с первого взгляда было ясно, что их оставило не человеческое прикосновение, поэтому Яо Хаохао и другие сжались внутри.

Лу Хуэй прямо заявил:

— Мы с Мин Чжаолинем столкнулись с той «женщиной».

Он сам поделился с ними зацепкой:

— На этот раз она не спрашивала, ел ли я. Она спела мне песенку.

Он не стал говорить, что перед сном слышал нечто, похожее на музыку, исполняемую на листочке.

Яо Хаохао спросила:

— Что за песенка?

Лу Хуэй запомнил и мелодию, и все слова.

Он повторил стишок, только его подражание диалекту вышло не очень похожим.

Выслушав песенку, у всех по коже побежали мурашки.

Лишь Мин Чжаолинь с задумчивым видом смотрел на Лу Хуэя.

Лу Хуэй не подумал и машинально метнул в него немой вопрос, и тут же понял, что зря — с Мин Чжаолинем так нельзя.

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— Неплохо поёшь.

Лу Хуэй: «...»

Обычное дело.

Он уже привык.

Но вот Яо Хаохао и другие не привыкли: «...?»

Вы двое — один, объявивший награду, другой, на кого она объявлена — не слишком ли вы... интимно себя ведёте?

Хотя ладно.

Я правда не понимаю вас, гомосексуалистов.

Но эта песенка и вправду...

Яо Хаохао не видела «женщину», но, услышав слова песенки, она немного подумала и нерешительно спросила Лу Хуэя и Мин Чжаолиня:

— А у той «женщины», которую вы видели, были ноги или ступни?

Вопрос был обращён к обоим, но смотрела она на Лу Хуэя, ибо не ожидала, что Мин Чжаолинь ей ответит.

Однако Мин Чжаолинь слегка приподнял бровь и, к её удивлению, ответил сам:

— Нет.

... «Цзюнь Чаомань» и вправду хорошо разбирается в людях.

Эта ещё и умная.

Яо Хаохао была удивлена, что Мин Чжаолинь удостоил её ответом, но не стала заикливаться на этом, погрузившись в размышления.

Значит, «женщина» и есть та самая зарезанная «овца».

Но... в стихке также упоминается «разваренные кости»*, почему же они не видели младенцев?

* Так как фраза «□□□□» означает варку тела целиком с костями, Яо Хаохао и подумала о младенцах.

Прежде чем Яо Хаохао успела глубже задуматься, Мин Чжаолинь вынес вердикт:

— Вы здесь в дозоре стоять собрались?

В его тоне сквозила лёгкая насмешка, но по сравнению с прежним поведением, когда он словно вообще их не замечал, сейчас его тон можно было считать вполне дружелюбным.

Поэтому все несколько оробели, и в их головах возникла единая мысль —

В этого психа кто-то вселился?

Ци Бай же, после этой мысли, украдкой взглянул на Лу Хуэй и тут же отвёл взгляд.

Простите, грешника, ему не следовало сейчас поддаваться наваждению шиперства, беспричинно думая, что, возможно, это сила любви, ааааааааа!

Простите!!!

Ци Бай в душе яростно кланялся своему брату Лу.jpg

Когда все ушли — особенно Ци Бай, напоследок пробормотав извинения и прикрыв дверь с виноватым видом — Лу Хуэй с Мин Чжаолинем, наконец, смогли спокойно обсудить важные дела.

Они поочерёдно рассказали друг другу о произошедшем. Лу Хуэй, потирая кончик подбородка, пробормотал:

— Значит, это не изоляция, как мы предполагали, а сон или же перемещение души в другое пространство.

Изначально они думали, что их физически изолировали.

Мин Чжаолинь безразлично заметил:

— Вообще, меня больше заинтересовала последняя строчка, которую ты упомянул: «Только ветер и горы рыдают».

Лу Хуэй:

— Неизвестно, метафора ли это, означающая плач тех, кого съели, как скот, или же нечто

более мистическое.

То есть... божество.

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— Божество не является помочь, не видит проблем в себе, а вместо этого пожирает людей.

Лу Хуэй улыбнулся:

— Знаешь, почему перед лицом великих бедствий бог — всего лишь статуя?

Мин Чжаолинь склонил голову набок. Лу Хуэй небрежно продолжил:

— Потому что бог изначально является творением человека. Как сам этот иероглиф, так и все божества, встречающиеся в свитках... всё создано людьми.

Если отбросить такие вещи, как переселение миров и оживление мира романа, то, по крайней мере, в написанных им инстансах так называемые божества также были созданы человеком, рождены человеческой верой и существовали благодаря ей.

Если этот мир сам по себе не стал менять его основные идеи, то этот инстанс — не исключение.

Цзян Ципэн говорил, что раньше молитвы срабатывали. Значит, либо всё происходило случайно, либо «божество» появилось благодаря их вере.

Если верно первое, то «женщина», которую они видят, с большой вероятностью и есть «божество». Если же верно второе, то голод в деревне Цзюаньлоу не могло предотвратить даже «божество».

Возможно, не хватило силы веры — например, стало меньше верящих в «божество», или же в момент голода кто-то усомнился в божестве, например, «почему божество не предотвратило бедствие», или что-то ещё... «Только ветер и горы рыдают» также может означать, как бессильное «божество», не способное остановить людоедство, слабеет, и может лишь наблюдать, как его народ истребляет себя. Либо оно дало этим «съестным людям» силу заменить его, либо же они поглотили его...

Но если этот мир будет порождать неизвестное Лу Хуэю содержание, меняющее его основные идеи, то сказать что-то конкретное об этом инстансе будет трудно.

Если же помимо «овощных людей» есть и другая история, то их текущий прогресс в инстансе, возможно, составляет лишь одну треть.

* 菜人 (càirén) — можно буквально перевести как «овощной человек» или «человек-овощ», это эвфемизм, означающий «человека, которого едят как пищу» — то есть жертву каннибализма, особенно в контексте голодовок или осад.

В китайской истории термин «菜人» использовался в периоды массовых голодовок, восстаний или войн, когда люди доводились до крайней нужды и прибегали к поеданию человеческого мяса. Чтобы смягчить ужас этого акта, мясо называли «овощами» (菜 — «овощи», «зелень»), а человека, предназначенного для еды, — «菜人». Чаще всего это были бедняки, женщины или дети, которых продавали или убивали ради выживания.

Лу Хуэй примерно прикинул.

Завтрашний так называемый обряд... может быть ключевым моментом.

Мин Чжаолинь слегка приподнял бровь:

— Впервые такое слышу.

Естественно.

Не то чтобы Лу Хуэй не прописывал персонажей-атеистов, но раз уж их выдернули из реального мира в бесконечный мир «Ужасающей игры», даже самый ярый материалист должен поверить в существование теологии. Тем более, что в этом мире также чётко обозначено существование «божественных инстансов». По всей Утопии — включая Небесный город ходили такие слухи.

А именно: игрок, прошедший определённое количество божественных инстансов, может сам стать богом.

Стал ли кто-то из игроков богом, Лу Хуэй не писал.

Он и сам не знал.

В основном потому, что... его главный герой всё ещё бродил где-то на периферии, не достигнув ключевого сюжета входа в центральную зону, и Лу Хуэю было лень продумывать дальнейшее развитие.

Он всегда писал, как нахлынет вдохновение.

Мин Чжаолинь, словно что-то обдумывая, снова спросил Лу Хуэя:

— Ты не веришь в богов?

Лу Хуэй, не моргнув глазом:

— Не верю.

Его тон был твёрдым, в отличие от прежней небрежной или шутливой манеры, когда он говорил, что серьёзен, что заставило Мин Чжаолиня снова удивлённо приподнять бровь.

Интересно.

Лу Хуэй подумал:

Конечно, не верю.

Потому что этот мир написан мною, я ваш Бог, но я всего лишь обычный человек, любящий шоколадные леденцы на палочке.

Они не стали заикливаться на этой теме и перешли к вопросу о «слабости», упомянутой «женщиной»:

— Значит... перенос урона может привести к ситуации, когда противник убивает меня, но на самом деле умираешь ты.

Это был вопрос, но с утвердительной интонацией.

Мин Чжаолинь тоже так предполагал, но добавил:

— Возможно, смерть обоих.

Лу Хуэй вспомнил слова и поведение той старухи:

— Чёрт, и правда.

Вот только... - он с раздражением продолжил, — Почему я опять оказался связан с тобой??? В следующий раз, если снова попадём в один инстанс, не будем вместе искать зацепки.

Мин Чжаолинь посмотрел на него и снова промолчал.

Лу Хуэй недовольно метнул на него взгляд с неммым вопросом.

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— Разве не я должен был сказать это первым?

Он признавал силу Лу Хуэя, особенно его ум. В равных условиях Мин Чжаолинь считал, что уступил бы ему.

Но что касалось боевых навыков, даже если бы Лу Хуэй мог предугадать каждый его шаг, в конечном счёте... по крайней мере сейчас, он не мог победить его.

«Женщина» не ошиблась, назвав его, его слабостью.

В плане боя Лу Хуэй ему не ровня.

Лу Хуэй как раз и ждал этих слов от Мин Чжаолиня. Он плавно подхватил:

— Тогда, о великий, в следующем инстансе не выслеживайте меня, пожалуйста. Благодарю вас.

Мин Чжаолинь слегка прищурился, словно раздражённо усмехаясь после того, как его подловили, но больше похоже, что заинтересовали. Он изогнул губы в усмешке, провёл языком по острию клыка, и его тон, на первый взгляд, звучал двусмысленно, но если вслушаться, был полон хищного азарта:

— А-Мань, ты же знаешь...

Он наклонился, его длинные волосы скользнули по коленям Лу Хуэя, а его персиковые глаза красиво изогнулись, в такт улыбке, в которой не было и тени веселья:

— Я обожаю острые ощущения.

Лу Хуэй: «...»

Он и не надеялся, что тот согласится.

Лу Хуэй протянул руку и оттолкнул его:

— Говори нормально, не подходи ко мне так близко без причины.

Нельзя не признать, что он сам прописал Мин Чжаолиню такое лицо... мм, да.

Мин Чжаолинь не уклонился от этого толчка, даже отклонился назад под его силой, но, услышав слова Лу Хуэя, снова замер, оставив руку Лу Хуэя полусогнутой, застывшей на месте, не в силах толкнуть его дальше.

Лу Хуэй: «?»

Он с недоумением поднял взгляд на Мин Чжаолиня и увидел, как тот с насмешливой улыбкой смотрит на него. Свет отбрасывал тень, и его лицо, яркое и хищное, как у змеи или плотоядного цветка, казалось ещё опаснее:

— Тебе не нравится, когда я подхожу к тебе близко?

«...»

Мин Чжаолинь... Когда Лу Хуэй писал его, он уже тогда казался ему задирой.

Такой уж он человек, чем больше кому-то что-то не нравится, тем больше он хочет это делать.

Особенно если это привлекло его внимание... Поэтому те игроки, что были несколько известны в игровом мире, его очень не любили.

А такая черта Лу Хуэя, как «нелюбовь к близкому контакту»... будь это кто-то другой, Мин Чжаолинь, конечно, не стал бы из упрямства делать наоборот, но если это Лу Хуэй...

Редкая возможность найти его болевую точку, не наступить на неё несколько раз было бы непростительно.

К тому же, Мин Чжаолинь не испытывал отвращения к близости с Лу Хуэем.

Ещё в санатории он почувствовал, что от «Цзюнь Чаоманя» исходит приятный запах, который трудно было описать.

Он непроизвольно расслаблялся рядом с ним. Даже несмотря на то, что с остальными всегда держал дистанцию, рядом с «Цзюнь Чаоманем» чувствовал себя иначе.

Мин Чжаолиня несколько раздражало это неконтролируемое чувство, но он не мог не признать... что, если бы они были не в инстансе, а в Утопии, где убивать нельзя, и «Цзюнь

Чаомань» спал бы рядом с ним, он бы впервые в своей жизни выпался.

Поэтому, когда Лу Хуэй слегка расширил глаза, Мин Чжаолинь снова наклонился вперёд.

Но мозг Лу Хуэя работал достаточно быстро, и одной фразой он заставил Мин Чжаолиня отступить.

— Я тут давно хотел спросить...

Он с улыбкой смотрел на Мин Чжаолиня:

— Мин Чжаолинь, ты что, влюблён в меня?

Мин Чжаолинь не сразу понял, о каком именно «чувстве» тот говорит, поэтому ответил:

— Пожалуй. Редко встречаешь добычу, которая тебя удовлетворяет. Думаю, любой охотник на моём месте был бы очарован и не мог оторвать глаз.

Даже убивать было жалко.

Выражение лица Лу Хуэя не изменилось:

— Я не об этом. То, что ты чувствуешь, — это не любовь, это...

Он на мгновение замешкался, пытаясь подобрать слова, дабы описать поведение, присущее только такому психопату, как Мин Чжаолинь, и решил сразу перейти к сути:

— Я имею в виду чувство гомосексуальной любви. Ты что, влюблён в меня?

Мин Чжаолинь: «?»

Он застыл на месте, смотря на Лу Хуэя с крайним недоумением, можно даже сказать, с некоторым изумлением.

Лу Хуэй впервые видел такое выражение на его лице, ему стало интересно, и он не удержался от дальнейшего подначивания:

— Ты ведь не только руки мне в рот совал, но ещё и заставлял пить свою кровь... Знаешь, я где-то читал, что если один человек выпьет кровь другого, то первый сможет найти второго, где бы тот ни был.

Он это вычитал в какой-то древней книге без обложки, ещё в детстве. Там один человек должен был переродиться, пройдя множество испытаний, а другой, чтобы иметь возможность найти его, заставил того выпить свою кровь.

Лу Хуэй неспешно продолжил:

— А ещё ты тогда прижал меня... а, точно, ещё...

Он не решался озвучить следующую фразу — его и самого передёргивало. Но перспектива вызвать у Мин Чжаолиня рвотный рефлекс оказалась сильнее.

Делать что-то, что наносит урон врагу в тысячу, а себе — в восемьсот*, Лу Хуэй тоже любил.

* 伤敌一千 (shāng dí yī qiān, zì sǔn bā bǎi) — Эта идиома описывает ситуацию, в которой победа достигается такой ценой, что она едва ли стоит усилий. Вы наносите серьёзному вред противнику, но сами теряете почти столько же — ресурсы, людей, здоровье, репутацию и т.д.

Особенно если объектом был Мин Чжаолинь, и можно было использовать только этот приём.

Лу Хуэй сладко улыбнулся:

— У тебя со мной был непрямой поцелуй.

Мин Чжаолинь: «?»

Впервые с тех пор, как он себя помнил, у него по всему телу побежали мурашки.

Мин Чжаолинь отклонился назад, больше не упираясь плечом в руку Лу Хуэя, и даже отошёл от него подальше.

Его выражение лица было и вправду сложным: явная оцепенелость смешивалась с явным недоверием. В общем, это не походило на эмоции, которые мог бы выразить Мин Чжаолинь... даже не походило на то, что он вообще способен их испытывать.

Очень забавно.

В фениксовых глазах Лу Хуэя мелькнула насмешка.

И Мин Чжаолинь уловил промелькнувшую в его взгляде шалость.

Он понял, что Лу Хуэй сделал это намеренно, но, честно говоря, слова Лу Хуэя были действительно...

Мин Чжаолинь ушёл с каменным лицом.

Лу Хуэй ещё и помахал ему вслед:

— Спокойной ночи, братишка.

Мин Чжаолинь: «...»

Единственным ответом Лу Хуэю была оглушительно хлопнувшая дверь.

Лу Хуэй, хохоча, повалился на кровать, чувствуя, что это и вправду очень забавно.

В конце концов, каким бы могущественным он ни прописал Мин Чжаолиня, установленный им возраст для Мин Чжаолиня был всего двадцать пять лет. Более того, он не наделил Мин Чжаолиня ни сердцем, стремящимся к близким отношениям, ни характером и эмоциями, необходимыми для их построения. Эта пустота делала Мин Чжаолиня в этой сфере не только невинным, как чистый лист, но и неспособным выдерживать подначки, даже инстинктивно отвергающим их.

А главное...

Он же писал роман без романтической линии. И как же Мин Чжаолинь, будучи его главным героем, и не являясь аскетом, мог обойтись без романтики? Вот именно так.

Сегодня Лу Хуэй явно вышел победителем. Да ещё и с разгромным счётом. Он довольно сжал кулак и показал знак победы.

.

Во тьме.

Кот, скрывающийся в темноте, медленно превратился в женский силуэт, постепенно проявляясь в воздухе. На ней было красное платье, стилизованное под наряд эпохи Республики. Её полупрозрачная рука протянулась вперёд, вся покрытая густыми трещинами, словно силуэт был собран из осколков.

Она положила руку на плечо старухи и жалобным тоном, стала кокетливо ныть:

— Мамочка, если те двое объединятся, боюсь, я не справлюсь.

Старуха не ответила. Женщина с обидой в голосе продолжила:

— А ты ещё и наделила их защитными заклинаниями. Если они и вправду объединятся против меня, ты больше меня не увидишь.

Старуха тихо проговорила:

— Глядя на них, я вспоминаю вас.

Женщина не понимала:

— Ты вспоминаешь меня и братика, или братика и...

Она не назвала, кто был тем вторым, но руки на плечах старухи сжались сильнее, ногти почти впились в её плоть.

Но старуха не вскрикнула от боли и не стала её ругать, а лишь вздохнула:

— А-Гуань, остановись. В деревне и так почти не осталось живых.

Вслед за словами старухи волосы А-Гуань, свисавшие перед лицом, пришли в движение, обнажив её миловидные черты, спокойные и умные, невольно навевающие мысли о реках к югу от Янцзы.

Но в мгновение ока её лицо сменилось бесчисленными ликами женщин от непримечательных до соблазнительных, но все — до жути безразличные.

— Мамочка, почти не осталось... разве не значит, что несколько всё же есть?

Её рука медленно переместилась на шею старухи. Наклонившись, она выглядела ласковой, но на самом деле напоминала змею, выпускающую яд. Её голос был нежен, но холоден:

— Я так скучаю по братцу А-Юну. Мамочка, выпусти братца А-Юна, позволь мне повидаться с ним, а? Если я умру от их рук, братец А-Юн будет так огорчён.

Старуха по-прежнему не двигалась, лишь опустила глаза и произнесла:

— Пока я здесь, ты не умрёшь.

Рука А-Гуань сжалась чуть сильнее, но тон остался мягким:

— Мамочка, ну позволь же мне повидаться с братцем А-Юном, а?

Старуха больше не говорила, а полупрозрачные ногти женщины мягко скользнули по её затылку.

Старуха закрыла глаза, приняв позу того, кто не смотрит, не говорит и не слушает, позволив руке А-Гуань двигаться дальше.

Её ногти лишь слегка касались кожи, скользя вниз, но с лёгкостью прорезали кожу старухи, остановившись лишь у лопаток.

И оттуда хлынула не кровь, а густой белый туман, медленно сгущавшийся в воздухе в образ мужчины.

На первый взгляд, мужчина казался несколько простоватым, а его глаза были «деревянными».

Но А-Гуань с выражением крайней одержимости подняла руку и прикоснулась к его лицу, страстно прошептав:

— Братец А-Юн.

Едва эти слова прозвучали, мужчина словно обрёл душу, оживился, но его облик тут же рассеялся, превратившись в белый туман, обвивший А-Гуань.

А-Гуань рассмеялась и снова обняла старуху за шею:

— Мамочка, ты у меня такая молодец.

И протяжно продолжила:

— Кстати, мамочка, ты чувствовала? Среди них есть парочка очень странных, особенно тот, на кого ты наложила защитное заклинание... Зачем ты ему помогла?

Голос А-Гуань снова стал жалобным:

— От него так вкусно пахнет, этот «аромат жертвенного дыма» такой густой... даже прежний Бараний Бог с ним не сравнится. Если я съем его, то, возможно, дарю этим людям избавление. Мамочка, зачем же ты ему помогла?

Старуха по-прежнему молчала. А-Гуань снова рассмеялась:

— Но ничего, А-Гуань не винит тебя.

Она прижалась головой к затылку старухи и нежно прошептала:

— А-Гуань любит мамочку больше всех.

— ... На рассвете начнётся обряд.

Старуха не стала поддерживать её фарс, а тихо сказала:

— Ты же знаешь, они снова нашли козлов отпущения. Может...

— И что с того?

А-Гуань криво усмехнулась, её голос, пропитанный ядом, был полон жестокости и ненависти:

— Если бы они и вправду были невиновны, разве оказались бы здесь?

Она хочет, чтобы они —

все до единого испытали её, их, и их детей боль!

.

Этой ночью, когда Лу Хуэй снова лёг спать, он думал, что всё повторится, как в первую ночь, и ничего не случится. Но неожиданно ему привиделся сон.

Во время сна он сохранял ясность ума, но, проснувшись, ничего не мог толком вспомнить. Он помнил лишь, что это будто бы была свадьба, повсюду красовались фонари и красные украшения, а ещё были свадебные причитания...

Лу Хуэй потёр голову.

Больше он ничего не мог вспомнить. Чётче всего в памяти отпечаталось, как во сне мелькал тот странный камень, отчего теперь, вспоминая сон, ему казалось, будто тот камень был повсюду.

Этим утром Ян Цяньфань снова приготовил им завтрак. Спускаясь вниз, Лу Хуэй уловил запах баранины.

В главном зале стояло семь мисок, но к еде ещё никто не притронулся. В каждой были не только куски баранины, но и редька. Блюдо сытное, вполне стоило бы для завтрака.

Вот только они не могли прикоснуться ни к чему, связанному с бараниной.

Лу Хуэй сегодня встал довольно поздно. Выйдя наружу, он увидел лишь Яо Хаохао и Ци Бая, но не Мин Чжаолиня.

Оба посмотрели на него:

— Брат.

Только Ци Бай называл его так.

Яо Хаохао:

— Ты сегодня проспал.

— Мгм. — Лу Хуэй не стал отрицать, по привычке потирая шею. — Приснился сон.

Яо Хаохао забила тревогу десятого уровня:

— Что именно?

Лу Хуэй не стал скрывать и рассказал всё, что помнил:

— ... Неужели в этой деревне ещё и элемент посмертного брака затесался?

В конце концов, такие элементы, как горы, изолированность, деревня... э-э, хоть деревня Цзюаньлоу и отличается от деревень из инстансов с посмертным браком, будучи больше похожей на современную сельскую глубинку, но всё же это деревня. А эти три элемента частенько связаны с посмертными браками.

Яо Хаохао слегка нахмурилась:

— Этот инстанс настолько обширен?

— Всё возможно, — Лу Хуэй взглянул на белый туман, который был не таким густым по сравнению со вчерашним днём. — ... А Мин Чжаолинь?

Сначала хотел сдержаться, но не удержался и спросил.

Яо Хаохао не увидела в этом ничего странного, а вот Ци Бай про себя завизжал «иии!», а его внутренний кролик схватился за уши, съёжившись, — и послушать хотелось, и страшно было.

Яо Хаохао:

— Их с утра вызвал Ян Цяньфань.

Лу Хуэй удивился:

— Ян Цяньфань вызвал? И... «их»?

— Да.

Яо Хаохао пояснила:

— Сказал, что днём в деревне важное событие, но в деревне одни старики, и попросил их о помощи.

Лу Хуэй уже хотел спросить, разве Мин Чжаолинь не отказался, но, подумав, что тот, вероятно, тоже догадался о связи с обрядом и поэтому пошёл, не стал спрашивать.

Вместо этого спросив о другом:

— А вы почему не пошли?

Яо Хаохао указала на Ци Бая:

— Он проспал.

Затем на себя:

— NPC сказал, что я девушка, а работа тяжёлая, и я не справлюсь, да и помощь девушек им не нужна, так что просто велел мне отдыхать.

Лу Хуэй взглянул на Ци Бая:

— Ты проспал?

Ци Бай тут же ответил:

— Мне ничего не снилось! Брат, я просто крепко уснул... слишком устал.

Лу Хуэй подумал, что это вполне возможно: они не отдыхали после инстанса с лифтом, а сразу вошли в этот инстанс, а Ци Бай наверняка из-за страха вообще глаз не сомкнул в первую ночь здесь. Но...

Лу Хуэй с улыбкой посмотрел на него:

— Ты смог заснуть в инстансе — это тоже талант.

Ци Бай не был уверен, похвала ли это, втянул шею и тихо пробормотал:

— Я просто подумал, раз тут брат Лу...

Яо Хаохао: «?»

Она посмотрела на Ци Бая:

— Разве его зовут не Цзюнь Чаомань?

— А, — сказал Ци Бай. — Брат Лу в прошлом инстансе представился как Линь Лу, вот я и зову его так по привычке.

Линь Лу?

Яо Хаохао подумала, что это имя звучит куда более реалистично, чем Цзюнь Чаомань.

Возможно, это и есть настоящее имя «Цзюнь Чаоманя».

Лу Хуэй лениво потянулся:

— Редкий случай, когда нас только трое... Яо Хаохао.

Яо Хаохао вынырнула из своих размышлений:

— Что?

Лу Хуэй протянул оливковую ветвь:

— Хочешь создать команду? Вместе проходить инстансы в будущем?

Яо Хаохао замешкалась, несколько удивлённая.

Она посмотрела на Лу Хуэя, её взгляд стал серьёзнее, и было видно, что она отнеслась к этому ответственно, что Лу Хуэя даже порадовало:

— Почему я должна создавать с тобой команду?

— Потому что в игровом мире скоро начнётся событие.

Лу Хуэй не стал скрывать, даже зная, что Яо Хаохао не так легко провести, как Ци Бая, и что... он всё равно высказался:

— Ты можешь выбрать участие в этом событии в одиночку, но ты должна понимать, что сейчас, в одиночку, тебе не превзойти других опытных игроков.

Яо Хаохао не отрицала этого, она даже ещё больше заинтересовалась:

— Какое событие?

Лу Хуэй развёл руками:

— Сейчас я не могу сказать точно, но могу утверждать, что главной наградой этого события будет попадание в центральную зону.

У Яо Хаохао с Ци Баем мгновенно округлились глаза.

Лу Хуэй:

— Игровой мир в установленное время открывает «канал», позволяя определённому количеству игроков через испытания в инстансах попасть в центральную зону. Это не зависит от того, как долго ты находишься в рейтинге.

Яо Хаохао:

— Тогда в чём смысл того рейтинга?

— В предварительных отборочных раундах, квалификациях и тому подобном. Игроки в рейтинге могут не участвовать, если не хотят.

Это было чётко прописано Лу Хуэем в сборнике правил и упоминалось в разговорах опытных игроков в романе, поэтому он мог уверенно об этом говорить. Более того, в этом не было ничего секретного: любой опытный игрок, достаточно долго находившийся в этом игровом мире, знал об этом. Просто потому, что это «событие» было случайным, и Лу Хуэй не устанавливал, как часто оно запускается, поэтому опытные игроки обычно не упоминали о нём.

А как автор этого романа, Лу Хуэй отлично знал, что это «событие» вот-вот начнётся.

Потому что до того, как он попал сюда, он как раз думал, что после нескольких инстансов Мин Чжаолиня нужно запустить это событие, где тот сможет повысить уровень, увеличить количество использований способностей... и тогда Мин Чжаолинь будет готов к божественным инстансам.

По его плану, Мин Чжаолинь даже должен был узнать кое-что о своём происхождении во время этого «события». Вот только что именно — Лу Хуэй не знал, потому что сам ещё не придумал.

Вдохновение для создания персонажа Мин Чжаолиня... не давало ему понять, какую именно ему присвоить личность, поэтому он тянул, тянул, и до сих пор ему было любопытно, как мировые правила обойдут этот момент.

Лу Хуэй добавил:

— К тому же, я думаю, у нас одинаковая цель — покинуть этот игровой мир.

И правда.

Яо Хаохао задумалась на пару секунд:

— Но ты же понимаешь, я могу выбрать другую команду. И, полагаю, игроков, желающих отсюда уйти, немало.

Лу Хуэй слегка приподнял бровь, подумав, что, видимо, способность Яо Хаохао весьма необычна:

— Ты можешь выбрать другую команду, и игроков, желающих уйти, действительно много. Но есть один момент, который я должен прояснить. Не все игроки, достигнув той позиции, смогут выбрать уход. А я — смогу. Как бы я ни преуспел в этом мире, моя цель лишь одна — покинуть этот игровой мир.

И не просто покинуть игровой мир, а этот мир романа.

Лу Хуэй верил, что раз этот мир смог втянуть его, то обязательно должен быть способ и вытолкнуть обратно.

У него были неоконченные дела, которые нужно было завершить.

Яо Хаохао смотрела на него и чувствовала его уверенность.

Лу Хуэй добавил:

— И ещё ты должна знать, что, если пойдёшь со мной, я могу гарантировать тебе как минимум одно.

Он слегка усмехнулся:

— Если вы не хотите убивать игроков — ни напрямую, ни заставляя вас сделать это косвенно через ловушки... такого не будет. Если только мы не столкнёмся с особенностью инстанса, например, битвой фракций, где выжить может только одна сторона.

Услышав это, и Яо Хаохао, и Ци Бай опешили.

Яо Хаохао даже с некоторым недоверием посмотрела на него:

— ... Ты шутишь? Ты же одного поля ягода с Мин Чжаолинем.

Лу Хуэй подумал: Вот тут ты сильно заблуждаешься.

— ... Признаю, в некоторых аспектах я и вправду похож на него, но я действительно не люблю убивать.

Он усмехнулся, словно от недоумения, вызванного её глубоким заблуждением, или же, не придавая значения, небрежно обронил:

— Если бы я любил убивать, я бы сейчас не стоял здесь, уговаривая вас создать команду.

Яо Хаохао не могла определить, насколько правдивы слова Лу Хуэя, но в одном он был прав.

В этом мире... слишком мало команд, которые не убивают.

Лу Хуэй продолжил:

— Однако если в будущем у вас появятся личные обиды, требующие кровавой расплаты, я не буду мешать. Прошу лишь предупредить меня заранее, чтобы не нарушить мои планы... А, и ещё...

Он произнёс то, что волновало Яо Хаохао больше всего:

— Мин Чжаолинь не войдёт в команду.

Не говоря уже о том, пригласил бы он его или нет, но Мин Чжаолинь явно предпочитает быть его противником, а не союзником.

Все эти слова, расписки или клятвы не имели смысла — в этом игровом мире не было средств обеспечить выполнение обещаний, можно было лишь полагаться на веру.

А Яо Хаохао...

Яо Хаохао криво усмехнулась:

— Ты до сих пор не хочешь назвать нам своё настоящее имя, но хочешь, чтобы я тебе поверила?

— Эх. — вздохнул Лу Хуэй. — Ладно.

Он сказал:

— Моё настоящее имя... Только не смейтесь.

Яо Хаохао: «?»

Неужели ты переживаешь за свой имидж?

Лу Хуэй прочистил горло:

— Меня действительно зовут Чжао Мань, Чжао (□) с ключом «идти», Мань (□) — «полнота».

Он, не моргнув глазом, продолжил:

— Имя «Цзюнь Чаомань», — это просто изменённый вариант. И, дружеский совет, в этом мире лучше не называть своё настоящее имя. Некоторые игроки владеют методами... мм, похожими на те, что были у Золотого и Серебряного Рогатых Королей.

* Великие Цари Золотого и Серебряного Рога (金皇 (Jīn Jiǎo Dàwáng) / 银皇 (Yín Jiǎo Dàwáng)) — персонажи из «Путешествия на Запад», у которых был магический горшок, засасывавший жертв, если те откликались на своё имя.

Яо Хаохао поняла.

Лу Хуэй посмотрел на неё:

— И каков твой ответ?

Яо Хаохао опустила глаза:

— ... Ладно.

Она взглянула на Лу Хуэя:

— Но у меня лишь одна цель — выбраться отсюда.

Лу Хуэй щёлкнул пальцами:

— А у кого не так?

Яо Хаохао:

— Ты выглядишь так, будто тебе здесь самое место.

Лу Хуэй усмехнулся, но не стал продолжать.

К полудню Мин Чжаолинь и другие вернулись.

Неизвестно, потому ли, что они поработали, и Мин Чжаолинь стало жарко, но он расстегнул куртку и завязал её на талии. Облегающая водолазка под ней была для удобства движений в бою, но зато чётко обрисовывала его бугрящиеся мускулы. Плечи, руки, торс — с первого взгляда было ясно, какая мощь в них скрыта.

Его длинные волосы были собраны в хвост, свисающий на спину и слегка покачивающийся при ходьбе. Его персиковые глаза были полностью открыты, и ледяной взгляд был ещё явственнее, чем обычно. Особенно потому, что его обычная лёгкая, едва заметная усмешка на губах исчезла, отчего он выглядел ещё суровее.

В сочетании с его яркой, выразительной внешностью он напоминал отточенный клинок, украшенный невероятно сияющими и прекрасными драгоценностями.

В момент, когда их взгляды встретились, Мин Чжаолинь сразу же отвёл глаза.

А?

Лу Хуэй слегка приподнял бровь, и усмешка на его губах стала шире.

Неужели это из-за вчерашнего?

Лу Хуэй с улыбкой обратился к Ло Е:

— Что-то случилось?

Он спросил их не только чтобы разузнать о пропущенном им сюжете, но и потому, что лица Ло Е и двух других игроков были очень мрачными.

<http://bllate.org/book/12898/1133638>